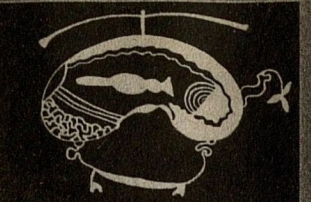

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ "ЗАВТРА"
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
"ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..."
ИНДЕКС: 32525.

салон

Казалось бы, моя профессия искусствовед-реставратора не предполагает глубокого погружения в современную художественную жизнь. Но, во-первых, я по натуре любознательна, а во-вторых, уверен, что, занимаясь старым искусством, оставаться в стороне от того, что происходит сегодня рядом с тобой, это значит — обкрадывать себя. К счастью, художники, с которыми я общаюсь, тоже никогда не оставались в стороне от работ по открытию и восстановлению памятников. Они были постоянными посетителями наших выставок, тем самым продолжая добрую традицию, сложившуюся еще в начале прошлого века. Тогда в России разразился, как сейчас сказали бы, "бум" по поводу древнерусской живописи. И ко всем этим открытиям, ко всем крупным выставкам русской иконы имели непосредственное отношение не только специалисты, академики Н.П.Кондаковы или Д.В.Айналов, но и знаменитые художники, в том числе В.А.Серов, К.А.Коровин, И.Э.Грабарь. Последний, как известно, был еще и прекрасным искусствоведам.

Должен сказать, что общение с современными мастерами стало для меня насущной потребностью. Я не могу не познакомиться с художниками, творчество которых мне близко, по поводу той или иной своей работы, не могу выстраивать свое отношение к современной жизни — не только художественной, культурной, но вообще к нашему бытованию — вне общения с ними. Круг этот не очень широк, но позволю себе быть искрометным: думаю, мне поспешили бы общаться именно с теми мастерами, которые во второй половине XX века определяли движение нашего изобразительного искусства.

Это совершенно удивительные люди. Каждый из них — целый мир. Причем мир, выстроенный им самим, а не заимствованный у маститых профессоров или из книг по истории искусства. Они умеют увидеть такие неожиданные подходы к решению той или иной проблемы, которых я, например, человек дотошный, старающийся проникнуть в суть явлений, даже представить себе не мог. Из мастеров старшего поколения, прежде всего, вспоминаю моего учителя, выдающегося искусствоведа-реставратора Николая Петровича Сычева — он был замечательным художником, одним из последних учеников Репина.

А когда меня стали выпускать за границу, довелось познакомиться и с самым последним учеником Ильи Ермаковича. Мы с Михаилом Александровичем Вербоным встретились в Нью-Йорке, когда ему было 95 лет. Потрясающий человек, который еще до отъезда в двадцатые годы из России уже имел здесь имя. В Третьяковской галерее хранится его кисти портрет И.С.Остроухова. А уж в Америке он написал столько и столько — не было ни одного крупного представителя русской

эмиграции, начиная с Керенского, ни одного президента американского, ни одного известного американского певца или актера, которых он бы не запечатлел. Он, например, рассказывал о том, как писал И.А.Бунину: "Я же знал, что мэтр — человек не очень удобоваримый и покладистый, и из последних своих возможностей финансовый накрыл стол, рыбы хорошей купил, водки. И на час его хвятило, он был благодушен. За это время я успел основательно познакомиться с ним, а когда он стал нести всех и вся, я уже работал над аксессуарами".

Мне повезло, что я общался с Виктором Полковым, с Есеем Моксеанко, которого бесконечно люблю и ценю как личность. Могу не все принимать в его творчестве, но знаю совершенно четко, что он был, в отличие от многих своих современников, человеком самостоятельным, не умевшим прислуживаться. То, как в моем фильме о Сурикове говорил Есеев Есеевич, не один искусствовед не скажет. Вообще я считаю, что художник может рассуждать об искусстве объемнее любого теоретика. Другое дело, что не всегда сумеет написать, но некоторые, кстати сказать, и пишут замечательно. Далеко за примером ходить не будем — Микеланджело оставил не только размышления об искусстве, но еще и сонеты такие, что дай Бог каждому поэту.

В Петербурге я общался с Петром Тимофеевичем Фоминым, в котором вижу пример чистого служения искусству. Будучи ректором Академии художеств, он мог бы иметь все регалии, но не стремился к этому и, в отличие от многих своих собратьев этих "цацек", к счастью, не получил. Обобщил нас и то, что Петр Тимофеевич много работал на Псковщине. Мы часто встречались с мастерской замечательного архитектора-реставратора и кузнеца Всеволода Петровича Смирнова, куда приезжали буквально все, начиная со знаменитых и незначимых поэтов, кончая диссидентами, политиками. Художники — молодцы, по чисто символической цене купили в окрестностях Пскова и Печор хуторки, и образовалась такая "Барбизон". Тут, в Малах, Фомины работали, километрах в десяти от него — Николай Корнашов, которому не сидится в Таллине, на уютной вилле в Пирите. Каждую весну, несмотря на нездоровье и визы, едет в псковскую деревню, потому что не может без этой природы, без русских людей.

В Москве через мою мастерскую — сначала в подвале, потом во флигеле Полывановской гимназии — прошла, наверное, большая часть Союза художников. Это не значит, что каждый был интересен мне своим творчеством. Но есть люди, с которыми я сошелся надолго. Одним из самых близких художников был Михаил Матвеевич Шварцман. Мы с ним лет с двадцати подружились. Он очень интересовался работой реставраторов, с удоволь-

ствием приезжал к нам в Псков, Новгород. Честно скажу, я не апологет авангардного искусства, но это не значит, что не восхищаюсь талантливыми его проявлениями. У Миши Шварцмана совершенно замечательные работы, причем они выполнены в технике иконописи — доски, левкас, слои которого наносились тщательно и продуманно. Что очень важно, Миша был мыслителем. Недаром его, кто с уважением, кто с завистью, величали патриархом. В общем-то, он и был таким. Неохотно допускал к себе, не охотно продавал свои вещи. Я не раз привозил к нему иностранцев, и они сразу предлагали купить работы, но Миша обычно отказывался: "Да нет, когда-то будет моя персональная выставка, и все вещи там будут". Какие-то небольшие работы, конечно, продавал, надо было сводить концы с концами. Жил на окраинах, в коммуналке, только в конце жизни получил, как говорится, двухкомнатный приют. Сейчас мы вместе с Мишиной вдовой Ирой издаем альбом его произведений.

С удовольствием откликнулся я на предложение написать о замечательном театральном художнике Сергее Бархине. Из-за моей болезни, других обстоятельств жизни последние годы мы не часто встречаемся, но нас связывают наша молодость и творчество. У Сергея есть завидное качество — он энциклопедический человек. Настолько великолепно подготовлен, настолько глубоко знает историю искусства. Все-таки очень важно, где человек воспитывался, а Сергеем из семьи потомственных архитекторов.

Благодаря я судьбе и за общение со скульптором Олегом Комовым, который, я считаю, сделал несколько вещей, которые обогатили облик Отечества, — Пушкин в Твери, Венецианов в Вышнем Волочке. И как же поразительно благодарности нашего времени. В прошлом году к 70-летию Олега устроили выставку в Академии художеств. Он был академиком, признанным мастером, но об открытии выставки не обмолвился ни словом ни один телеканал, ни одно печатное издание. Тут даже не действует принцип, что у нас любят уметь только мертвых. Уже и мертвые не умеют любить. Потому что любят только сиюминутное хапужничество.

Много мог бы я рассказать о близких мне по духу художниках. Одной из таких привязанностей, не побоюсь этого слова, является и творчество, и сам человек — Наталья Игоревна Нестерова. Для меня она Наташа, мы столько знакомы и дружим, сколько даже не живут. С Наташиными работами я познакомился раньше, чем с ней самой, и они меня привлекли необычностью своей манеры. Потом-то я понял, что женское начало там есть, но сначала мне показало, что автор — мужчина. Даже спросил, а не псевдоним ли это? Настолько мощная и интересная была живопись. Мне кажется, что Наташа из

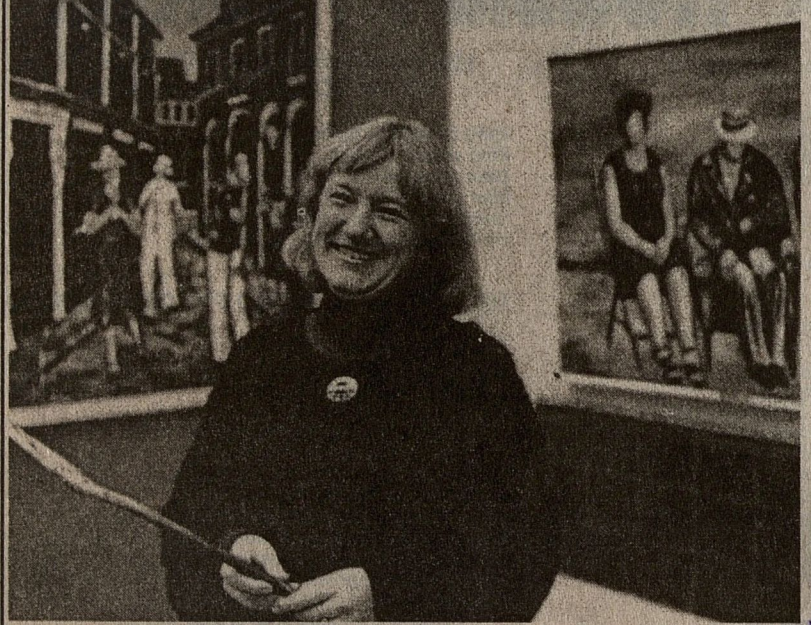

Савва ЯМЩИКОВ

Созидающие

тех художников, которые, усвоив наследие предыдущих эпох и поколений, способны так трансформировать его в своем творчестве, что заимствований не замечается, зато чувствуется крепкая классическая основа.

Когда мы познакомилась и подружились, я это восприняла как дар судьбы. Что скрывать, многим из художников и писателей, с которыми я пил и гулял, мой дела, выставки, просветительские программы были, как говорится, "по барабану". Чувствовалось, что ждут не дожидаясь, когда все закончится и можно будет выпить и закушать. У Наташи отношение к реставрации и открытиям, которые мы делаем, совсем другое. Не скажу, что она заядлый путешественник. Есть у нас такие люди — куда мы, туда и они. Но совместные поездки по России убедили меня в том, что Наташа прекрасный спутник и товарищ. И опять же сказываются гены. Вот висит у меня подаренная Наташей работа дедушки, художника Николая Ивановича Нестерова. Ее родители были архитекторами. Я всегда восхищался, как многие годы Наташа ухаживала за своей мамой, не переставая при этом работать. Мы все понимаем, что такое старый больной человек. Многие, особенно имея деньги, списывают это на других. Всегда можно найти сиделку, сказать, что занят, надо работать. А для Наташи мама всегда была самым дорогим в жизни. Сейчас так же внимательно, от души она исполняет обязанности бабушки. Говорю об этом потому, что мы даже не замечаем, как такие вроде бы бытовые моменты ложатся в основу творчества художника. Вот Врубелем — казалось бы, художник импульсивный, ни в коем случае не акварельщик. Но как он заточился о чистоте своей палитры, как пунктуален был! Это о многом говорит.

Наталья НЕСТЕРОВА:

«Я САМА ВЫБИРАЛА СВОЙ ПУТЬ»

Завтра, 2004 — июль (129), с. 8

Савва ЯМЩИКОВ. Наташа, я очень рад, что встречаюсь с тобой в цикле "Созидающие". Я уже беседовал с Володей Васильевым, со Славой Старшиновым, с Марленом Худиевым, с Валентином Распутным, с замечательным нашим критиком Валентином Курбатовым. И у меня, Наташа, два вопроса для начала нашей беседы. Первый такой. Прожили мы уже немало. Мафусилов век не каждому дается, но будем считать себя средовиками. Что в прожитом ты считаешь главным для себя? Что запомнилось больше всего? Не какой-то отдельный момент, а может быть, проходящая через всю жизнь линия, которой ты дорожишь?

Наталья НЕСТЕРОВА. Савва, ты начал с художников, назвал Коровина, Серова, а ведь у них учился мой дедушка. У нас в семье были и иконописцы. Я знаю, что мною движет. Конечно, это любовь. Невероятная любовь и признательность к дедушке-бабушке, к маме. Вообще я считаю своим учителем в жизни все-таки дедушку, хотя он умер, когда мне было совсем не много лет, семь. Но прошло уже 53 года, и я каждый день о нем думаю. Он дал тот толчок, тот толчок, который вывел меня на дорогу, с которой мне совсем не хочется сворачивать в другую сторону.

Ты вот сказал про мой долг перед матерью, и что я не стала при этом меньше работать. Наоборот, когда мама была уже совсем больна, я старалась работать как можно больше, потому что в мою мастерскую она поднималась так и не смогла. Но я делала картинку, иногда просто рисовала на бумажке, или приносила фотографии. И видя, как глядя на них мама, я понимала, что это все в моей жизни. Иногда она говорила какие-то невероятные комплименты, и большего мне не нужно было. Еще лет двух лет, как мама умерла, и я чувствую отдельные свои движения холстоу. Ты говоришь о Бархине. Мы сейчас вместе работаем в РАТИ, бывшем ГИТИСе. А познакомилась очень давно — наши матушки и мой папа учились на одном курсе в Архитектурном институте. Не могу сказать, что обладаю энциклопедическими знаниями, как Сереха. Отнюдь, у меня они очень сумбурные, но семья, преемственность, действительно, очень много значат. Это сильно облегчает жизнь и работу.

С.Я. Ты сразу поступила в Суриковский?
Н.Н. Нет, сначала отучилась в художественной школе, МСХШ.

С.Я. Расскажи немного о МСХШ. Ведь от туда вышло столько замечательных людей.

Н.Н. Безусловно, потому что очень рано, с 11 лет дети оказываются в настоящей, серьезной работе. Кстати, менее способные, наверное, получают в школе больше, чем одаренные. Потому что эти, изначально талантливые, как бы устают уже после семи лет непрерывного учения. Из нашего класса кто-то уходил в литературу, кто-то в архитектуру, но было несколько очень одаренных людей, которые состоялись как художники. Я училась с Игорем Макаревичем, Таней Назаренко, Володицей Любавиной.

С.Я. Все-таки то, что тогда МСХШ находилась в доме в Третьяковской галерее, немало значило.

Н.Н. Еле бы просто перебежали улицу и оказывались в Третьяковке.

С.Я. Кто были твои учителя в Суриковском институте?

Н.Н. У меня они были разные. По-моему, на третьем курсе мы перешли в мастерские. На третьем или четвертом, к сожалению, это было так давно, что уже не помню точно. В мастерской Григория занимались у Жилинского и Шильникова. Они нас и выпускали из института.

С.Я. Суриковский институт это, в общем, традиционная академическая школа. И Григорий, и Жилинский — люди с хорошими классическими основами. Сколько бы Дима Жилинский ни отличался как современный художник, он все-таки базируется на древнерусском искусстве, на италийском.

высказывание Рихтера. Он сказал, что у человека есть две родины. Первая — та, где родился, и вторая — Италия. Мне показалось, что это очень здорово.

С.Я. Да, это истоки. Но дальше начинается собственный путь. Я хотел бы тебя спросить о том, как ты вышла на него после Суриковича? Что тобой руководило? Что дало толчок?

Н.Н. Дело в том, что я умею сдерживать свои чувства. Этому меня учила бабушка, а она была великим педагогом. Сейчас уже не помню, но, наверное, мне хотелось попробовать и так, и эдак, я старалась идти прямым путем. Может быть, кому-то он покажется и не совсем прямым, но я его для себя выбрала.

В институте мы очень много работали, причем учились друг у друга — в нашей мастерской были Ира Старженецкая, замечательный, рано, к сожалению, умерший Толя Окорочков, Таня Назаренко. Учителя нас охранили, потому что то, как мы начинали работать в 65-м, всего пять-десять лет спустя, было бы просто невозможно. Нас в институте и духу бы не было. И меня Алексей Михайлович Грицай защитил от выгона из института за одну из работ. Нас охранили, и это очень важно. Но спустя некоторое время после диплома я увидела, что сбрасываю с себя груз обучения. Сейчас, пожалуй, я ближе к тому, что получила в институте, чем тогда. А теперь уже действует инерция. Инерция в смысле движения. И еще служение тому делу, без которого себя не представляю. Я даже во сне не прекращаю работу, ни в мыслях, ни в действии. Иногда вижу какие-то свои картины, совсем не похожие на то, что есть на самом деле. Или куда-то бегу, что-то смотрю. Недавно была в поездке, и мой сын спрашивал: "Мама, почему ты не рисуешь? Ты же всегда рисовала". Может быть, я была полностью захвачена какими-то новыми впечатлениями, а может, устала.

С.Я. По отношению к тебе, к Шварцману, другим мастерам среднего и старшего поколения часто произносится слово "нонконформизм". На мой взгляд, это явление очень неоднозначное, потому что огромный поток андеграундных художников, в общем-то, частично самой этой когортой и придуман. Поскольку я человек стучный, из всего этого массива для меня остаются такие художники как Дима Красноватые, Володя Немухин, Саша Харитонов, Толя Зеврев, Шевшинов, Шварцман. Очень много там было наносного, придуманного, которое не выдерживает проверки временем. В те годы конформизм приминавал поездку за границу, выставками, "цацками", из-за которых многие жили свою творческую беднячку. Как тебе удалось и в те годы, и сейчас не мимикрировать, а сохранять свою линию, развивая ее, находить новые решения, новые формы? Что тебя поддерживало?

Н.Н. Во-первых, невероятная любовь к своему делу. И определенная сдержанность. В общем, сила характера, которую я получила в наследство. У нас ведь очень длинная женская линия, причем сильных, настоящих женщин. Прарбабушка, прабабушка — одна из первых женщин-врачей, моя бабушка, моя мама. У меня сын, и на мне эта женская линия закончилась. А была очень длинная.

С.Я. То есть корни для тебя важны.

Н.Н. Очень важны. И чем дальше я живу, тем сильнее понимаю, как много это значит.

С.Я. Основы, корни, безусловно, помогали тебе и в тех поездках по России, куда мы попадали на разных этапах жизни. Сколько вокруг всего было, какие переделки, но ты поразительно умела оставаться собой. И я никогда не чувствовал тяжести от своего полетчика. Мне кажется, что как раз такое отношение к жизни помогает тебе так творить, а творчество помогает тебе так жить.

Н.Н. Ты знаешь, я первый раз поехала за границу, когда мне было 40 лет. Теперь понимаю, что это было жестоко, несправедливо, потому что многим из того, что я увидела, я уже себя заставляла воспринимать. Восхищалась, конечно, но не так сильно, как если бы это произошло пятнадцатью годами раньше. Хотя я получала определенные впечатления, потому что, работая, объезжала весь Союз от Сахалина до Прибалтики, от Амура Туркмени до Мурманска, Соловков. А теперь мне очень хочется еще раз побывать в Италии. Побывать в Испании, хотя и там была не раз. Побывать еще раз во Франции. Вот этого, может быть, мне немного не хватало в моей юности.

С.Я. В этом смысле твоим предшественниками — В.И.Суриковым, К.А.Коровиным, М.В.Нестеровым повсюду больше. Получив образование в московском Училище живописи, зодчества и ваяния или в академии в Петербурге, они обязательно ехали в Италию. Хорошо диплом защитил — тебя пошлет император на свой кош. Нет — найдешь где-то деньги и все равно поедешь. В этом смысле, действительно, мы были обворованы. Я знаю, что для тебя путешествия не просто охота к перемене мест. Они столько привносят в твои работы. Казалось бы, ты не срисовываешь пейзажи с натуры, но едешь в Грузию, и вот они — "грузинские" краски и ароматы. Едешь куда-то на Сахалин — он тоже проявляется. Без этого, по-моему, творчества и быть не может.

потому что многим из того, что я увидела, я уже себя заставляла воспринимать. Восхищалась, конечно, но не так сильно, как если бы это произошло пятнадцатью годами раньше. Хотя я получала определенные впечатления, потому что, работая, объезжала весь Союз от Сахалина до Прибалтики, от Амура Туркмени до Мурманска, Соловков. А теперь мне очень хочется еще раз побывать в Италии. Побывать в Испании, хотя и там была не раз. Побывать еще раз во Франции. Вот этого, может быть, мне немного не хватало в моей юности.

С.Я. В этом смысле твоим предшественниками — В.И.Суриковым, К.А.Коровиным, М.В.Нестеровым повсюду больше. Получив образование в московском Училище живописи, зодчества и ваяния или в академии в Петербурге, они обязательно ехали в Италию. Хорошо диплом защитил — тебя пошлет император на свой кош. Нет — найдешь где-то деньги и все равно поедешь. В этом смысле, действительно, мы были обворованы. Я знаю, что для тебя путешествия не просто охота к перемене мест. Они столько привносят в твои работы. Казалось бы, ты не срисовываешь пейзажи с натуры, но едешь в Грузию, и вот они — "грузинские" краски и ароматы. Едешь куда-то на Сахалин — он тоже проявляется. Без этого, по-моему, творчества и быть не может.

Н.Н. Не может. Наверное, есть самодостаточные художники, в которых так много жизненных сил, что им хватает только внутреннего содержания, но все-таки подпитка впечатлений необходима. Раньше, когда мы спрашивали, что мне помогает, я всегда говорила: литература и музыка. В них я черпала свои силы. Это мне привила бабушка. Я не перестала читать и не перестала слушать музыку, но что-то и во мне меняется. Скажем, раньше я больше любила бывать на природе, какой-то запах рождал воспоминания, ассоциации, а теперь как бы все больше и больше напоминают о себе гены и хочу посмотреть архитектуру. Как-то я оказалась в Сиене во время очередной годовщины освобождения ее от Флоренции. Я не восторженно о себе, но этот город настолько удивителен и прекрасен, что я просто рыдала по-настоящему громко и не могла остановиться. Вместе с тем, я всегда вспоминаю, как в России ставили церкви. Ты едешь, едешь среди равнин и полей, и вдруг какая-то гора, и она отовсюду видна. Но мы-то чаще всего видели какие-то покосившиеся головки без крестов.

С.Я. Как склоненная голова Богоматери.

Н.Н. Да, так было и в Тарусе, и в Калуге, который меня совершенно потряс. Мы тогда были из Новгорода в Москву на маленьком, еще колесном пароходике. Я сейчас говорю, а у меня мурашки от вида калужинской колокольни.

С.Я. Без этих русских пейзажей и я жить не могу. Сейчас полил себя каждый День Победы в Суздаль ездить. Слава Богу, его не растоптала индустрия туризма. Такой же тихонький, очаровательный городок. Но больше всего потрясает ополье вокруг Суздаля. Церковки на горизонте, о которых ты говоришь, сами поля фантастически совершенны. Что же до самодостаточности художников... Я все думаю об этом, читаю сейчас второе издание замечательной книги Константина Шилова о Борисове-Мусатове. Значит, такое было у человека творческое нутро, что даже перед болезнью не отступил. Так же, как Кустодиев. Он же последние лет 15 был прикован к постели. Даже кисть приподнялась привязывать к больным пальцам.

Н.Н. Во-первых, Борисов-Мусатов родился в прекрасном городе Саратов, над Волгой. Это много значит. Первый раз я была там в семидесят каком-то году, и сейчас меня поразило, как быстро он превратился в обычный город с бутылками и супермаркетами. Исчез неповторимый аромат.

С.Я. Ведь ты в центре Парижа не увидишь таких огромных реклам, как где-то на окраине Афин или в Милане. В историческом центре Рима вообще нет ни одной неоновой рекламы. А у нас дорвались. Это называется "Дунык пустился в Европу".

Н.Н. Вот Нью-Йорк весь в рекламе, и она прекрасно гармонирует с современной архитектурой. Но после 11 сентября эту рекламу как-то притушили, она перестала быть такой наглой. Они как бы повесили полотенце на зеркало, как делают, когда кто-то умер. То есть проявили деликатность. Хотя это, вероятно, было невыгодно экономически.

С.Я. Сейчас чудовищные вещи творятся в Пскове. Ты прекрасно знаешь храм Богоявления в Запсковье, который входит в список "драгоценностей" ЮНЕСКО вместе с Коллизеумом, Парфеноном. Так вот в двадцати метрах от него, через забор, построили гостиницу. Причем рекламу можно снять, погасить, а эти постройки потом придется ломать. И я уверен, что их будут ломать, если существует церковь Богоявления в Запсковье.

Наташа, еще раз вернемся к твоей маме. Ты говоришь, что не могла работать, когда ее не стало. Мне это так понятно. Снимая фильм о Сурикове, я не знал этой подробности, но потом мне рассказали, что Василий Иванович после смерти жены, которую он безумно любил, два года не брал кисть в руки, при его-то темпераменте красноречивом. И первая картина, которую он написал, — "Исцеление Христом слепого", хотя раньше к религиозным сюжетам не обра-

щался. У нас же один, имя не будем называть, художник через два дня после трагической гибели жены открывает в Манеже свою выставку. Насколько чудовищна эта бездуховность! И я очень рад, что ты держишь свою линию, хотя сблизилась сейчас много. Ты ведь можешь работать и в Америке, и в Италии, и ходить по нескольким раз в день на тусовки с омарями. Но тебе удаётся сохранять свое творчество в чистоте и в какой-то даже неприступности. Мои друзья-итальянцы, которых я к тебе приводил, в восторге. Удивляются: как может один человек, женщина так работать? Откуда такая независимость от нашей суеты?

Н.Н. Савва, у меня достаточно пуританское воспитание. А потом мне любопытно просто смотреть, я совсем не хочу быть каким-то ретроградом и все отрицать. Это было бы неразумно. Просто у меня параллельный путь. Мне кажется, что в более развитых странах не убивают одно для того, чтобы возмечить другое. Пути могут быть совершенно параллельными. Сейчас я вернулась из Нью-Йорка и буквально перед самолетом побежала смотреть выставку "Византизм" в музее Метрополитен. Выставка огромная, замечательная — Рублев, Дионисий, безымянные русские иконописцы. Огромное количество посетителей, потому что всем это интересно. Хотя мне кажется, что вещи, вырванные из контекста, невозможно себя уютно почувствовать. Все-таки, когда смотришь на иконы в церкви, это чуть-чуть другое. Их аура начинает проявляться. А когда иконы переносят куда-то в непривычное место, они превращаются в экспонаты. Но это мое впечатление.

С.Я. Нет, не только твои. Ты знаешь, опять же возвращаясь к началу нашего разговора, к эпохе конца XIX — начала XX века, когда открывались иконы. Ведь у нас была великолепная система церковно-археологических музеев. То есть музей был и научным учреждением, и частью церкви. Один из самых прекрасных музеев, Новгородский, создавался историком Анисимовым, моим учителем Николаем Петровичем Сычевым, но главным был тогдашний архиепископ, потом митрополит Арсений (Стадницкий). Он ездит по этим монастырям, где мы с тобой были, — Юрьев, Антоньев — и заставлял нерадивых настоятелей отдавать в музей иконы XII-XIV веков. Я знаю об этой византийской выставке. Но вот в Новгороде 18 мая, в День музея, открыли экспозицию икон XI-XIX веков. Около трехсот икон, и они не вырваны из контекста, потому что рядом София Новгородская.

Н.Н. Саввушка, можно тебя перебить? У меня же прелесть священника. Сколько их вообще было загублено, убито, сослано. И дворяне, конечно, и крестьяне, но загубленные дух священников было без конца. Знаешь, я ужасно счастлива, что реставрируют церкви, начинают служить. Это замечательно. Но когда вижу, как господа священники подвезают на "мерседесах", когда возле церкви в Спасо-Покосовском, где я живу, появляются какие-то невероятные ограды — туда не пройти, сюда не пройти... После завтра дня рождения замечательного отца Геннадия. Кстати, он по образованию архитектор, а служил в церкви Малого Вознесения. Этот замечательный человек был моим духовником, и после него я даже, пожалуй, не нашла никого. Причем у меня есть грех перед ним. Он все время говорил: "Наташа, нарисуйте что-нибудь для церкви". Я не решалась, чувствовала себя недостаточно. А теперь так жалею. Потому что его нет, и ничего изменить уже нельзя.

С.Я. Совершенно согласен с тобой. Как же можно одновременно поклоняться и Богу и мамоне? Я-то считаю, что вера держится на "незаметных людях", к которым принадлежал и отец Геннадий.

Мне тоже везет. У меня есть такие батюшки, к которым в любую трудную минуту могу пойти. Я ведь раньше был гордый. Раз старообрядец, в храм не пойду, молиться то можно и дома. Нет, только дома — мало. Нельзя без церкви, где есть батюшка, которому можно попочаловаться. Казалось бы, я все знаю, и он мне не откроет никаких тайн, но такого его роль, что выходишь из церкви очищенный и просветленный.

Наташа, закончим на нашей любви к Италии, а это и часть любви к России. Все время возвращаясь к одному прошлогоднему впечатлению. Не впервые я был в Ватикане, в соборе Святого Петра. Но, как в рассказе Успенского — где герой увидел Венеру Милосскую, и "Выпрыгивала". Меня какая-то сила сразу привела к "Пьете" Микеланджело. Казалось бы, сколько раз видел, а тут вошел и понял, что больше в соборе смотреть и нечего.

Н.Н. Нечего. Потому что там можно на самолете летать, такое пространство.

С.Я. Час я провела около "Пьеты". Столько всего передумал и понял, что искусство — это все-таки Божественное озарение. И поэтому, Наташа, заканчивая нашу очень для меня дорогую беседу, хочу пожелать тебе, чтобы ты и впредь радовалась своим искусством. Мне доставляет огромное удовольствие, что мы с тобой единомышленники. Дай Бог тебе еще сил, чтобы память о твоих предках, о твоём деду, твоей маме помогала тебе работать на радость всем нам.

Н.Н. Спасибо, Савва, спасибо.